

В. А. Вазюлин

**СИСТЕМА ЛОГИКИ ГЕГЕЛЯ И СИСТЕМА ЛОГИКИ В
«КАПИТАЛЕ» К. МАРКСА**

Сравнительное изучение системы логики Гегеля и системы логики «Капитала» К. Маркса позволяет достигнуть ряда важных результатов. Во-первых, детально и систематически выявить рациональное содержание логики Гегеля, чего нельзя осуществить в полной мере без сравнительного исследования с «Капиталом». Во-вторых, творческое использование и применение идей «Капитала» во всем их богатстве и глубине необходимо предполагает понимание взглядов К. Маркса с учетом их развития, а значит, и связи с идейными источниками их возникновения и формирования. И логика Гегеля среди этих источников занимает не последнее место.

Характеризуя соотношение своего метода и метода Гегеля, К. Маркс писал: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹. Здесь К. Маркс указывает на противоположность своего метода методу Гегеля. Но в том же Послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» он утверждает: «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»².

Если исток и тайна гегелевской философии заключены в «Феноменологии духа», то сущность философии Гегеля содержится главным образом в его «Науке логики». Логика в философии Гегеля занимает центральное место.

К. Маркс перерабатывал диалектику, логику Гегеля "в течение многих лет. Раскрытие под "мистической оболочкой «рационального зерна» диалектики, логики Гегеля К. Маркс осуществлял уже в 40-е годы XIX в. Но акцент он делал тогда на критику и д е а л и з м а гегелевского метода, гегелевский логики. Основным итогом теоретической деятельности К. Маркса в эти годы было открытие материалистического понимания истории.

В 50—60-е годы положение несколько изменилось. В "процессе пе-

¹ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 23, с.21.

² Там же, с. 22.

реработки К. Марксом гегелевского метода, гегелевской логики изменяется акцент. Критика идеализма Гегеля продолжается и углубляется, но внимание К. Маркса преимущественно сосредоточивается на дальнейшем выделении «рационального зерна» метода Гегеля. Это произошло под воздействием следующих причин. Одну из них указал сам К. Маркс в том же Послесловии: «...Как раз в то время, когда я работал над первым томом «Капитала», крикливые, претенциозные я весьма посредственные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, усвоили манеру третировать Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, бравый Мозес Мендельсон третировал Спинозу, как «мертвую собаку». Я поэтому открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения»³.

Характеристика другой, не менее важной, причины содержится в рецензии Ф. Энгельса на книгу К. Маркса «К критике политической экономии», где говорится об эпохальном значении труда К. Маркса. «В сочинении, подобном тому, которое лежит перед нами, — пишет Ф. Энгельс, — не может быть и речи о простой критике отдельных, оторванных друг от друга положений политической экономии, об обособленном рассмотрении тех или других спорных экономических вопросов. Напротив, это сочинение с самого начала построено на систематическом охвате всего комплекса экономических наук, на связном изложении законов буржуазного производства и буржуазного обмена...

Со времени смерти Гегеля вряд ли была сделана хотя бы одна, попытка развить какую-нибудь науку в ее собственной, внутренней связи»⁴.

В 50—60-е годы перед К. Марксом встала задача систематизации своих политэкономических исследований, развития науки в ее внутренней связи, а так как Гегель был единственным человеком до К. Маркса, который, хотя и на идеалистической основе, попытался таким образом развить науку, то обращение к этой попытке к критическое использование достигнутых Гегелем рациональных результатов было естественным и необходимым. Создание теории прибавочной стоимости, развитие политэкономии капитализма в ее внутренней связи потребовали осмысления рационального содержания системы логики Гегеля.

К. Маркс переосмысливал метод, логику Гегеля не умозрительно, а в связи со своим конкретно-научным исследованием. В процессе изучения логики дела он развивал и дело логики. И именно в «Капитале» — произведении, в котором К. Маркс выразил теорию прибавочной стоимости, — содержится и система Логики К. Маркса (Логики с большой буквы, т. е. логики, имеющей всеобщее значение); и вместе с тем «Капитал» фактически заключает в себе критику системы логики Гегеля, хотя логическое содержание важнейшего труда марксизма и присутствует слитно с его политэкономическим содержанием. Поэтому необходимо специальное диалектико-логическое исследование «Капитала» для выявления системы диалектической логики К. Маркса.

В. И. Ленин гениально наметил задачи изучения логики «Капитала». Среди его высказываний есть следующий парадокс, имеющий чрезвычайное значение для постижения логики «Капитала» К. Марк-

³ Там же, с. 21-22

⁴ Там же, т. 13, с. 494

са: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!»⁵

Сравнение системы логики Гегеля и системы логики «Капитала» К. Маркса обнаруживает большее рациональное содержание логики Гегеля и более глубокие отличия диалектико-материалистической логики от логики Гегеля, чем это обычно представляют⁶. В самом общем виде схема, структура логики «Капитала» К. Маркса соответствует схеме, структуре «Науки логики» Гегеля. Действительно, К. Маркс начинает «Капитал» с рассмотрения товара и денег, т. е. именно с того, как прежде всего выступает «богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства...»⁷, как капиталистическое богатство выступает на поверхности⁸. При рассмотрении товара и денег К. Маркс еще не раскрывает сущности капитала и поэтому не определяет, что такое капитал. Затем через характеристику превращения денег в капитал он переходит к отображению производства капитала. Но производство капитала есть сущность капитала.

Во втором томе анализируется обращение капитала. К. Маркс как бы возвращается к товару и деньгам, однако теперь его интересуют не товар и деньги сами по себе, а то, как капитал проявляется в обращении товаров и денег, а это уже не просто товары и деньги, но товарный и денежный капитал. Следовательно, во втором томе рассматривается явление капитала.

В третьем томе К. Маркс продолжает как бы возвращение к исходному пункту—к поверхности. «Видоизменения капитала, как мы их развиваем в этой книге, — пишет он,— шаг за шагом приближаются таким образом к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции к о быденном сознании самих агентов производства»⁹. Предметом исследования в третьем томе служит единство процессов производства и обращения капитала. В общем виде это единство характеризуется уже в конце второго тома, предмет же третьего тома более точно определяется так: «Что касается того о чем идет речь в этой третьей книге, то оно не может сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, здесь необходимо найти и показать те конкретные формы, которые возникают из *процесса движения капитала, рассматриваемого как целое*. В своем действительном движении капиталы противостоят друг другу в таких конкретных формах, по отношению к которым вид (Gestalt) капитала в непосредственном процессе производства, так же как и его вид в процессе обращения, выступает лишь в качестве особых моментов»¹⁰.

Конкретные формы единства процессов производства и обращения, т. е. конкретные формы единства сущности и явления капитала, и есть не что иное, как действительность капитала. Таким образом, это движение мысли похоже на движение мысли в логике Ге-

⁵ Ленин В. И. Поля. собр. соч., т. 29, с. 162.

⁶ Систематическое и подробное сравнение системы логики Гегеля и системы логики «Капитала» см.: Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 43.

⁸ В быденном сознании прилагательное от существительного «поверхность» часто имеет предосудительное значение и вызывает отрицательные эмоции. Мы употребляем здесь слово «поверхность» в категориальном смысле, для обозначения того необходимого уровня познания, от которого начинается движение познания вглубь.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 29.

¹⁰ Там же.

гегеля от бытия к сущности, явлению, действительности. Но уже здесь имеются и принципиальные различия.

Логика К. Маркса — это логика диалектико-материалистическая, логика Гегеля основывается на идеализме. Гегель отрывает мышление от породившей его основы, превращает мышление в изначально самостоятельно существующее и порождающее весь остальной мир как свое инобытие. С позиции К. Маркса исследуемый предмет не зависит от теоретически осмысляющей его головы, с позиции Гегеля предметы внешнего мира суть отчуждения мышления. Поэтому К. Маркс исследует не зависящую от мышления, но отображаемую мышлением, специфическую сущность определенного предмета, а для Гегеля задача заключается в том, чтобы подвести рассматриваемый предмет под те или иные логические категории. Говоря словами К. Маркса, Гегеля интересует «не логика самого дела, а дело самой логики»¹¹.

Гегель абсолютизировал мышление, истолковывал его в качестве абсолютного. Действительным исходным пунктом философии Гегеля, как доказал Л. Фейербах, является абсолют. Но признание существования абсолюта есть признание существования абсолютного в отрыве от относительного. Абсолютное в отрыве от относительного на самом деле не существует, а следовательно, есть ничто, и оно совершенно неопределенно. Поэтому исходить из существования абсолюта—значит исходить из того, что абсолют есть, но это такое «есть», которое совершенно неопределенно и совершенно тождественно ничто. Гегель и исходит в построении системы своей логики из совершенно неопределенного бытия, совершенно неопределенного есть.

К. Маркс как материалист не может признавать мышление в отрыве от порождающей его основы, не может признавать всеобщее в предметах в отрыве от специфики предметов. Для материалиста всеобщее в предметах не существует только само по себе, в отрыве от особенного и единичного в предметах. Выделение всеобщего в процессе познания идет через исследование специфических, определенных, конкретных предметов, и всеобщее, будучи отлично от единичности, конечности, специфичности этих предметов, вместе с тем отлично лишь в единстве со своей противоположностью.

Логика «Капитала» начинается с поверхности, или бытия, однако не с абсолютного, не с неопределенного бытия, а с бытия относительного, определенного, конкретного предмета. Поскольку рассматриваемый конечный особый специфический предмет сразу не обнаруживает свою сущность, поскольку сущность специфического предмета вначале скрыта от познающего, постольку для мышления познающего человека сущность предмета оказывается неизвестной, неопределенной. В этом смысле в мышлении, отображающем поверхность конечного, специфического предмета, главным образом констатируется то, что некий предмет есть, а не то, что он есть по своей сути. Следовательно, можно сказать, что логика «Капитала» начинается с категории бытия, но в этой категории фиксируется некое конечное определенное, относительное бытие, бытие определенного, конечного предмета.

Гегель начинает с совершенно неопределенного, абсолютного бытия. Здесь его идеализм оказывается вместе с тем метафизикой, отрицанием диалектики. Логика «Капитала» начинается с противоречия: с одной стороны, предмет рассмотрения есть, с другой стороны,

¹¹ Там же, т. I, с. 236

еще не раскрыта его сущность и постольку неизвестно, что есть предмет, но вместе с тем предмет как особый, отличный от других предметов хотя еще и не постигнут в мышлении, однако существует независимо от мышления и первоначально дан в живом созерцании.

В мышлении может быть отображен не зависящий от него предмет только в том случае, если мышление совершается в единстве с живым созерцанием, если мышление корректируется предметом, не зависящим от мышления и выступающим сначала в живом созерцании. С позиции же идеализма Гегеля мышление существует изначально, первично и творит из себя предметы, а потому чувственное познание не имеет самостоятельного значения, не сводимого к мышлению. Ему отводится лишь феноменологическая роль, лишь роль обнаружения уже существующего мышления. Каждый логический переход в таком случае не корректируется предметом, существующим вне и независимо от теоретически мыслящей головы и данным первоначально в живом созерцании.

Таким образом, диалектико-материалистическая логика берет мышление в единстве с его противоположностью—чувственным познанием, и притом не только мышление не сводимо к чувственному познанию, но и чувственное познание не сводимо к мышлению. И как мышление не может быть действительным мышлением вне его единства с чувственным познанием, с отображением предмета как не зависящего от мышления, так и логика не существует в качестве логики вне связи с теорией, познания и диалектикой, логика должна быть понята в единстве с теорией познания и диалектикой.

В познавательном аспекте в «Капитале» господствует движение познания от абстрактного к конкретному. Это движение есть главным образом движение мышления. В «Капитале» в восхождении от абстрактного к конкретному предмет не порождается, а отображается мышлением. Поэтому восхождение от абстрактного к конкретному происходит в единстве со всей не сводимой к восхождению противоположностью—движением познания от чувственно-конкретного к абстрактному—и корректируется в соответствии с этой своей противоположностью.

Само мышление должно быть понята как снимающее внутри себя свою противоположность—предмет, не зависящий от теоретически мыслящей головы и первоначально данный в живом созерцании. В специально логическом плане это означает, что движение мысли от поверхности, бытия к сущности, явлению и действительности совершается в единстве с противоположным движением мышления—от действительности к явлению, к сущности и бытию, т. е. к поверхности, хотя явно и на первый план в изложении выступает движение: бытие-сущность-явление-действительность. Чтобы осмыслить какой-нибудь предмет, уже с самого начала приходится сделать выбор изучаемого предмета, а для этого необходимо предварительно составить себе представление о том, что он есть. В «Капитале» К. Маркс рассматривает, например, товар, но уже с точки зрения исследования капитала, т. е. анализ товара он осуществляет с учетом имеющихся у него представлений, *что* такое капитал, какова его суть и т. д. Напротив, логика Гегеля представляет собой «однаправленную» логику, логику, воспроизводящую по сути дела движение мысли «бытие-сущность-явление-действительность».

В этом различии логики «Капитала» и логики Гегеля проявляется то, что логика «Капитала» представляет собой логику изложения,

единую с не сводимым к ней полностью процессом исследования, а логика Гегеля оказывается логикой изложения, совершенно тождественной процессу исследования.

Итак, с одной стороны, общая схема гегелевской логики, общее движение мысли «бытие-сущность-явление-действительность» имеет место и в «Капитале» К. Маркса. Но, с другой стороны, К. Маркс начинает с поверхности, бытия определенного, конкретного» предмета. Логика «Капитала» как логика материалистическая означает не наложение на предметы идей, категорий и сведение к ним предметов, а отображение в идеях, категориях логики предметов, не зависящих от мышления и обладающих своей спецификой, с которой мышлению приходится соотносываться при отображении каждого нового предмета. И это касается не только начала, но и всего хода движения мысли. А так как каждый раз предмет первоначально дан в живом созерцании, то ход мышления должен осуществляться в единстве с живым созерцанием, с чувственным познанием, с предметом, существующим независимо от мышления. Следовательно, логика должна пониматься в единстве с теорией познания и диалектикой и вместе с тем быть не сводимой к ним. Более того, логика внутри себя содержит свою противоположность, и эта противоположность заключается в том, что движение мысли от бытия, поверхности к сущности, затем к явлению и к действительности совершается в единстве с противоположным логическим движением.

Предмет рассмотрения сначала дан в общественной практике как заслуживающий изучения, отличный от других предметов, как предмет, сущность которого требуется познать. И сначала имеется настоятельная потребность в изучении предмета, представшего в качестве особого предмета, а затем образуется догадка (позже—гипотеза) о его сути.

Однако логика «Капитала?» и ее отличие от логики Гегеля не исчерпываются сказанным. Будучи идеалистом, Гегель исходит из мышления, взятого в отрыве от материи, которая ее порождает и которую оно отображает. Поэтому мышление у него с необходимостью замыкается в самом себе, абсолютизируется. Логика Гегеля есть логика замкнутого в себе и на себя мышления, Гегель исходит из абсолюта и кончает им. Логика Гегеля—логика замкнутой системы и замкнутая система логики. Как таковая она не имеет ни будущего, ни прошлого.

Напротив, К. Маркс—материалист, мышление для него есть специфическое особое отображение бесконечно движущейся и не зависящей от мышления материи. Поэтому наука логики, во-первых, изучает мышление не только само по себе, в отрыве от того, что мышлением отображается, но и в единстве мышления с отображаемым и в отличии мышления от отображаемого. Следовательно, логика имеет свою специфику, но специфика ее существует лишь в единстве логики с тем, что логикой не является: с отображаемыми предметами, данными первоначально в живом созерцании. Поэтому Логика, т. е. всеобщая логика «Капитала», с одной стороны, отлична от логики политэкономии капитализма, а с другой стороны, неразрывно с ней связана, внутренне едина. Логика «Капитала», с одной стороны, отлична от теории познания марксизма, а с другой стороны, внутренне связана с ней. Во-вторых, логика представляет собой историческое образование, она не может не изменяться с изменением отображаемых предметов. В третьих, всякая материалистическая логика должна в категориях зафиксировать прошлое, настоящее, будущее отображаемых

предметов. Между тем в логике Гегеля изображается лишь настоящее, да и то в мистифицированном виде.

Если мы отвлечемся от первого и второго пунктов, которые требуют специального рассмотрения и выходят за рамки статьи, то следует сказать, что в таком случае логика К. Маркса сложнее логики Гегеля. Прошлое и будущее не могут быть полностью сведены к настоящему. Это верно и относительно логики К. Маркса исходит из несводимости настоящего, прошлого и будущего, из их единства как единства различного. Логика К. Маркса принципиально трехвитковая, логика Гегеля, поскольку она идеалистична, одновитковая. В логике К. Маркса должен быть виток спирали, посредством которого специально отображается прошлое, сохраняющееся в снятом виде в настоящем, виток спирали, посредством которого специально отображается настоящее, и виток спирали, посредством которого отображается будущее, вызревающее в настоящем. При относительном различии этих витков они не представляют собой чего-то совершенно самостоятельного, но образуют внутренне единство. Так прошлое капиталистической экономики присутствует в снятом виде во всем рассмотрении К. Марксом капитала. Вместе с тем прошлое капитала, существующее в снятом виде при капитализме, специально выступает а исследовании К. Марксом товара и денег. Товар и деньги существовали до капитализма, до появления капитала. Товарно-денежные отношения превращаются в капиталистические тогда, когда они становятся всеобщими, всеохватывающими, когда они подчиняют себе и обращение и производство (т. е. когда товаром становятся факторы собственно производства—рабочая сила и средства производства), К. Маркс рассматривает вначале не товарный и не денежный капитал, а простые товар к деньги. Однако предметом его рассмотрения они служат постольку, поскольку в таком виде существуют при капитализме (а не в таком, в каком они существовали до капитализма). Другими словами, простые товар и деньги исследуются не в отрыве от других сторон, образований капитализма, а с учетом того места и значения, которые они имеют в капиталистической экономике.

Отображение товара и денег К. Марксом представляет собой виток спирали. К. Маркс начинает характеристику товара с потребительной стоимости. Товар «бросается в глаза», выступает на поверхности прежде всего как вещь, способная удовлетворить ту или иную потребность. Потребительная стоимость в категориальном аспекте выступает в качестве категории бытия, поверхности товара (но не капитала). Рассмотрев потребительную стоимость саму по себе, К. Маркс переходит к исследованию общественных отношений, которые скрываются за отношением потребительных стоимостей, и вскрывает стоимость — кристаллизацию общественно-средне необходимого труда. Стоимость как таковая не дана чувственно, ее нельзя пощупать, нельзя увидеть, но тем не менее она существует. Стоимость есть внутреннее товара, она есть с у щ н о с т ь товара. Если потребительная стоимость создается конкретным трудом, то стоимость—абстрактным трудом. Исторически определенный труд оказывается с у б с т а н ц и е й товара, и эта субстанция д в о й с т в е н н а.

Проанализировав стоимость саму по себе, К. Маркс идет снова от сущности к поверхности, к бытию, но теперь уже на основе познанной сущности. Он исследует то, как стоимость проявляется в отношении потребительных стоимостей, рассматривает формы проявления стоимости (простую, развернутую, всеобщую, денежную). В ходе развития форм стоимости развивается поляризация стоимости и по-

требительной стоимости; непосредственное тождество потребительной стоимости и стоимости поляризуется в отношении различных товаров. Анализируя движение от сущности (стоимости товара) к явлению (проявлению стоимости в отношении потребительных стоимостей), изучая формы явления сущности, К. Маркс рассматривает не просто потребительную стоимость и стоимость сами по себе, а единство стоимости и потребительной стоимости и формы этого единства. После отображения форм стоимости К. Маркс характеризует процесс обмена и затем деньги, или обращение товаров. Речь идет специально об обмене в целом, о целостности обращения. Так, в третьей главе первого тома «Деньги, или обращение товаров» К. Маркс раскрывает функции денег, т. е. функции не тех или иных отдельных товаров, но именно целостности движения всех товаров. А это и есть не что иное, как действительность, единство сущности и явления и его формы. Это есть виток отображения прошлого, или малый виток спирали логики «Капитала». Настоящее отображается специально в том витке спирали логики «Капитала», о котором мы говорили выше, рассматривая структуру «Капитала» в целом. Назовем его большим витком спирали логики «Капитала» К. Маркса.

Развитие капиталистического общества, в частности капиталистической экономики, ведет в конце концов—но не автоматически—к его гибели и к образованию нового, коммунистического общества. Сущность нового общества в недрах капитализма не образуется, создаются только его предпосылки. Соответственно логика отображения будущего при рассмотрении развития капиталистической экономики не может доходить до непосредственного отображения сущности нового. О ней можно судить по развитию предпосылок новой, еще не существующей сущности. Воспроизведение будущего в логике «Капитала» в точном соответствии с предметом исследования представляет собой отрезок спирали — движение мысли от бытия к сущности. Но сущность здесь непосредственно не воссоздается, так как ее в самой действительности еще не было.

Остановимся на этом витке несколько подробнее. На поверхности, и бытии (в данном случае капитала) пределы существования предмета не обнаруживаются. В самом деле, в сфере обращения движение капитала есть процесс постоянного возрастания денег, и он выражается всеобщей формулой капитала $D—T—D'$, где D —деньги, T —товар и D' —возросшие деньги. Тут нельзя увидеть никакого предела существования, движения, возрастания капитала, так как исходный и конечный пункты движения, сколько бы оно ни совершалось, остаются качественно тождественными друг другу. Различие между конечным и исходным пунктами чисто количественное. Капитал и капитализм, если ограничиться сферой обращения, взятой в отрыве от сферы производства, представляются вечными. И это объективная иллюзия.

Предел существования предмета в логике «Капитала» начинает обнаруживаться с переходом от бытия к сущности этого предмета (в данном случае капитала). Переход от поверхности, бытия к сущности представлен в «Капитале» при рассмотрении превращения денег в капитал. Превращение денег в капитал есть продажа свободным рабочим («свободным» от собственности на средства производства и свободным в смысле возможности распоряжаться своей способностью к труду) своей рабочей силы собственнику средств производства. Пока процесс совершается в сфере обращения, созидание капитала еще не выявляется. Но вот купленная рабочая сила (спо-

способность к труду) вступает в процесс производства, начинает потребляться. Ее потребление путем использования принадлежащих капиталисту средств производства означает создание трудом рабочего стоимости, превышающей стоимость купленной рабочей силы. Это процесс собственно созидания, производства капитала. Капитал создает потребление купленной капиталистом рабочей силы, капитал живет, пока потребляется купленная рабочая сила.

К. Маркс выделяет две основные формы прибавочной стоимости — абсолютную и относительную. Абсолютная прибавочная стоимость есть прибавочная стоимость, производимая за счет удлинения рабочего дня при неизменном необходимом рабочем времени, т. е. времени, которое требуется ежедневно для воспроизводства стоимости рабочей силы. Относительная стоимость «возникает вследствие сокращения необходимого рабочего времени и соответствующего изменения соотношения величин обеих составных частей рабочего дня». При производстве абсолютной прибавочной стоимости способ производства остается неизменным. Для производства относительной прибавочной стоимости «необходим переворот в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства, чтобы повысилась производительная сила труда, чтобы вследствие повышения производительной силы труда понизилась стоимость рабочей силы и таким образом сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости»¹³.

Производство абсолютной прибавочной стоимости наталкивается на природный предел длины рабочего дня—24 часа в сутки. Да и этот предел регулярно достигать невозможно. Конечно, сохраняется возможность применения все большего числа рабочих при неизменяющемся способе производства, но при этом норма прибавочной стоимости (или отношение m/u =прибавочный труд/необходимый труд, где m -прибавочная стоимость, а u -переменный капитал) остается неизменной, т. е. остается неизменной степень эксплуатации рабочей силы капиталом.

Капитал при производстве абсолютной прибавочной стоимости развивается э к с т е н с и в н о, изменяется количественно. Предел рабочего дня —предел к о л и ч е с т в е н н о г о изменения капитала. Увеличение массы прибавочной стоимости за счет увеличения числа рабочих при неизменной норме прибавочной стоимости тоже имеет в конечном счете количественный предел. Но развитие капитализма прежде всего наталкивается на количественный предел в виде предела длины рабочего дня, ибо природа капитала, как указывает К. Маркс, с необходимостью направляет его прежде всего по пути увеличения степени эксплуатации рабочей силы.

Капиталисты в своем стремлении к увеличению рабочего дня наталкиваются и на возрастающее сопротивление рабочих. Как результат борьбы капиталистов и рабочих устанавливается законодательное ограничение рабочего дня. К. Маркс показывает это на огромном фактическом материале. Конечно, капиталисты находят множество уловок, чтобы обойти фабричное законодательство. И всё же длина рабочего дня ограничивается. Основным путем усиления степени эксплуатации рабочей силы оказывается в этих условиях повышение производительной силы труда. Капитализм при господстве производства относительной прибавочной стоимости развивается преимущественно

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 325. ¹³ Там же.

и н т е н с и в н о. Тут и обнаруживается уже не количественный предел определенной формы существования, движения капитала, а качественный, точнее, м е р н ы й предел движения капитала вообще. Действительно, по мере развития производительной силы труда, по мере развития производительных сил сокращается применение переменного капитала относительно постоянного капитала. Между тем именно переменный капитал есть живой капитал, именно потребление рабочей силы создает капитал. «Накопление капитала, которое первоначально представлялось лишь как его количественное расширение, осуществляется, как мы видели, в непрерывном качественном изменении его строения, в постоянном увеличении его постоянной составной части за счет переменной»¹⁴. Говоря языком математики, постоянный капитал стремится к бесконечности, а переменный — к нулю.

Абсолютное устранение переменного капитала, сведение его к нулю, а следовательно, и абсолютный предел существования капитализма могут быть достигнуты при абсолютной автоматизации, при полном исключении живого труда из процесса производства. Но это вряд ли будет достигнуто, по крайней мере в обозримом будущем. Надежды на автоматический крах капитализма по сути своей бесперспективны и не имеют ничего общего с марксизмом. Однако, как доказал К. Маркс, «по мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата»¹⁵, образуются субъективные и объективные условия для победоносной борьбы рабочего класса.

Мерный предел существования капитала обнаруживается при производстве относительной прибавочной стоимости также в том, что необходимой формой «жизнедеятельности» капитала оказывается развитие производительных сил. Характер же производительных сил превращается при этом в свою противоположность: с утверждением машинного производства становится технической необходимостью общественный характер труда. Частнособственнические капиталистические производственные отношения вступают в непреодолимое в условиях капитализма, зрелое противоречие с уровнем и характером развития производительных сил. Мерный предел в отличие от количественного предела — это предел самого существования капитализма как такового.

Сравнение системы логики «Капитала» и логики Гегеля представлено в данной статье в самом общем виде. Однако уже и такое сравнение позволяет сделать некоторые выводы.

«Рациональных зерен» в логике Гегеля значительно больше, чем это обычно представляют. Вместе с тем логика «Капитала» принципиально отлична от логики Гегеля. Материализм и логика в «Капитале» внутренне едины. Именно материалистическая позиция дает возможность для последовательного развития диалектической логики, в то время как идеализм по своей сути внутренне един с метафизикой. Причем материалистический характер логики К. Маркса и идеалистический характер логики Гегеля внутренне связаны также и с различным строением систем их логики.

«Капитал» К. Маркса представляет непревзойденный образец детального и систематического сознательного использования диалектико-материалистического метода в процессе исследования целой кон-

¹⁴ Там же, с. 643.

¹⁵ Там же, с. 660.

кретной науки (политэкономии капитализма). Изучение логики «Капитала» и творческое ее применение в различных науках открывают огромные перспективы.